

Иван Андреев

**БОЮСЬ
СТАТЬ
КОЛЕЙ**

Поездата история в двух направлениях

*Посвящается моей возлюбленной коллеге,
отправившей меня
в френдзону ...*

*Выражаю благодарность своему лучшему другу,
который убедил меня в том, что я «алень»*

Действующие лица:

АЛИК, молодой человек, 29 лет
ПОЛИНА, девушка, 27 лет
НИКОЛАЙ, эх, мужичок, 49 лет
ТАМАРА, такая мадам, 48 лет
КОЛЯСИК, интересный мужчинка, 35 лет
НАДЯ, женщина, мать... 30 лет

И ещё двое:

ТОЛИК, тот ещё джентльмен, 35 лет
НАСТЯ, уже не девочка, 20 лет

В числе бездействующих лиц:

Симпатичные пассажиры
Проводник

НАПРАВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Станция «Бабско-царская»

ТАМАРА. Ах ты ж, зараза такая, ну как есть – руки-крюки. Взрослый мужик, а из рта как у дитя всё валится.

НИКОЛАЙ. Тамар, да я поперхнулся.

ТАМАРА. Поперхнулся он. Сам штаны стирать будешь. Гляди, гляди – вот это пятно ведь от курицы не отмоется. Всё, были штаны, теперь только на тряпки пустить. Молодой человек, курицу-то ешь, чего смотришь.

АЛИК. Нет, спасибо.

НИКОЛАЙ. А зря. Курицу, это самое, Тамара готовила сама, не в какой-нибудь там палатке взяли.

ТАМАРА. Ешь, не бормочи. Ешь, говорю. Ох, негодяй, опять сейчас из рта всё повываливается. А ты, молодой человек, как в Свердловск приедешь, сразу в Храм-на-крови иди. Ох, красотища. Там, в Свердловске, и глядеть больше неначе. Только храм и есть. Там же это - семью царскую расстреляли. Ну. Достопримечательность. Мы с Колькой как в Свердловск приезжаем, сразу - в храм. И поглядеть, и помолиться. И за царя-батюшку, царство ему небесное, свечку поставить.

НИКОЛАЙ. И по магазинам.

ТАМАРА. Чего? Ты прожуй, потом бормочи.

НИКОЛАЙ. И по магазинам, говорю.

ТАМАРА. Ну и что, что по магазинам? Ты чего ёрничаешь тут? Посмотрите-ка на него, не нравится ему по магазинам.

НИКОЛАЙ. Да я не к тому.

ТАМАРА. Понятно, что по магазинам. Мы это, в Свердловск-то, в основном за покупками ездим. У нас-то один ширпотреб, никакого тебе качества. Зато продукты всегда свежие. Не то что в ихних супер-пупер-маркетах. Эти... как ты, Коля, говоришь?

НИКОЛАЙ. Генно-моднофицированные.

ТАМАРА. О! Слыхал. У нас всё натуральное в этом смысле. А вот как платьё надо или этому дураку брюки купить, то надо в Свердловск ехать. У нас с этим беда.

НИКОЛАЙ. А ещё, это самое, машину туда поедем покупать. Вот накопим немного и поедем.

ТАМАРА. Жуй давай, надо всё доесть. Курица в дороге портится быстро. И ты, молодой человек, кушай. Мы всего не съедим. Как звать-то хоть?

АЛИК. Алик.

НИКОЛАЙ. А я Николай Анатолиевич.

ТАМАРА. А я просто Тамара. Алик, ешь курицу, ешь. Пропадёт ведь.

Сообщение Алика Вконтакте:

Привет, роднуля. Я сел в поезд. Уже завтра утром обниму тебя. У меня нижняя полка. Напротив меня супружеская пара. Из соседей ещё какая-то женщина, она спит на верхней полке, на боковушке. Наверное, там неудобно. В вагоне жуткий запах. Муж с женой едят курицу гриль. Зачем они взяли курицу гриль в поезд? Кажется, они едут уже давно. Судя по запаху курицы, очень давно. Скоро пропадёт сеть. Я скучаю по тебе. Я всё время думаю о тебе, Настенька. Думаю о нас с тобой. Буду писать тебе в дороге. Сеть будет появляться редко, поэтому буду писать тебе на E-mail. До встречи, целую! Пиши.

АЛИК. Говорят, в Екатеринбурге зарплаты хорошие?

НИКОЛАЙ. Правильно говорят.

ТАМАРА. У нас в области в этом смысле так хорошо, что к нам все только и едут. Это раньше в Москву ехали. А сейчас к нам.

НИКОЛАЙ. Кто это к нам ездит?

ТАМАРА. А ты посмотри, сколько таджиков, а! А армянов! Раньше вот все в Москву, в Москву. А сейчас к нам. А в Свердловске помнишь, вот вроде лет пять назад ездили – ни одного тебе нигретенка. А щас одни негры, куда ни глянь. А потому что негры туда едут, где хорошо. Вот в Америке много негров почему? Потому что там хорошо. А щас вот в Свердловской области.

НИКОЛАЙ. А ты, это самое, в Свердловск-то работать поди едешь?

АЛИК. Это уж заодно.

НИКОЛАЙ. А в основном?

АЛИК. Жениться еду.

ТАМАРА. Ай да ну-ты! Правда что ли? Ай да молодец! Вот! Вот - настоящий мужчина. Не то что наш. Уж 28 лет, а он всё в компьютере сидит, вместо того, чтобы с бабами гулять. Ой, беда.

НИКОЛАЙ. Прямо-таки жениться?

АЛИК. Да, еду жениться. Девушка моя там живёт. А познакомились здесь, в Башкирии.

ТАМАРА. Ох, в Башкирии мёд хорош, ей богу. Надо будет взять баночку на вокзале в Уфе. А как девушку-то звать? Русская?

АЛИК. Наверное, русская. А что?

ТАМАРА. Родители не против?

АЛИК. Чьи?

ТАМАРА. Ну ейные, чьи ещё. Всё ж не каждая мать за башкира дочь захочет отдать.

АЛИК. Так я и не башкир.

ТАМАРА. А говоришь из Башкирии.

АЛИК. Да какая разница вообще?

ТАМАРА. Вообще-то никакой. Главное же любовь. А уж крестить будущего ребёночка или обрезание делать – это уж как сами решите.

АЛИК. А если ни того, ни другого?

ТАМАРА. А как же без этого. Николай, как без этого?

НИКОЛАЙ. Без этого никак. Надо ведь обязательно, чтобы Бог нового человечка увидел.

Письмо Алика

Настенька, пока не забыл. Мы ведь никогда не говорили на эту тему, не знаю насколько для тебя это важно. Видишь ли, для меня совсем не важно. Я насчёт вероисповедания. Я хочу, чтобы ты знала: я учёный, меня вопрос религии может интересовать лишь с точки зрения науки. Конкретно мне интересно влияние религии на формирование культуры и социального сознания в истории эволюции человека.

ГОЛОС ПРОВОДНИКА. Приближаемся к санитарной зоне. Туалет закрою через пять минут!

ТАМАРА. Николай, иди в туалет сходи.

НИКОЛАЙ. Да я не хочу.

ТАМАРА. Сходи, кому сказала! На станции полчаса стоять будем, обоссешься потом.

НИКОЛАЙ. Тамара, ну не хочу.

ТАМАРА. Зараза такая, дай я схожу. Выпусти. Ну, выпусти, говорю, расселся, барин.

Письмо Алика.

Настенька, мои соседи очень разговорчивые. Они и меня постоянно пытаются втянуть в свой разговор. Я им зачем-то сказал, что еду жениться, они за меня рады. Эта женщина постоянно третирует своего мужа. А он терпит. Видно, что привык. Но как она отошла в туалет, у мужика так участилось дыхание, будто он на несколько минут вынырнул из холодного озера, и теперь пытается надышаться вдоволь. Пытается насытиться кислородом так, чтобы хватило ещё на несколько часов.

АЛИК. Суровая она у вас.

НИКОЛАЙ. Тамарка? Она это по любви. Скоро 30 лет будет, как вместе. Вот и тебе с твоей зазубной желаю. Чтоб вот так, душа в душу.

АЛИК. Душа в душу?

НИКОЛАЙ. А как же! Это самое, без этого никак.

АЛИК. Тридцать лет – это много... Вся моя жизнь.

НИКОЛАЙ. А ты девушке своей и предложение уже сделал?

АЛИК. Нет, еду вот делать. Кольцо купил, всё как надо.

НИКОЛАЙ. Прямо любовь у вас?

АЛИК. Похоже на то.

НИКОЛАЙ. А то может сперва поживёте вместе, притрётесь?

АЛИК. Да мы уже притирались пару раз.

НИКОЛАЙ. Да я не о том. Говорю, надо пожить вместе. Чтоб готовым быть ко всему. Чтобы быт познать. Быт ведь, это самое, раскрывает индивидуальность. А то так поторопишься, и того...

АЛИК. По магазинам да в храм до конца жизни?

НИКОЛАЙ. Чего? Причём тут... Я к тому, что не обязательно торопиться.

АЛИК. Я уже всё решил.

НИКОЛАЙ. А, ну решил, так это хорошо. Жениться, это ведь – дело. Поживёте, а там уж, если что, это самое, и развестись не долго.

АЛИК. А вы-то сами притирались? 30 лет назад.

НИКОЛАЙ. У нас всё как полагается, знаешь ли. А ты на нас и не смотри. То другое время было. Другое время, знаешь ли, было. Я к тому, что у баб тогда сериалов этих не было, понимаешь?

АЛИК. Причём тут сериалы?

НИКОЛАЙ. Ну как же. Это самое, бабы тогдашние, принцев не искали, ну. А нынешние что? Сериалов насмотрятся, жизни не узнав, потом думают, что принцы так и бегают по улицам. А сперва ведь надо жизнь узнать. А сериалы так, на досуг. Вот Тамарка моя знала, что я не принц. И звезд с неба не собираю. Так и знала. И потому не разочаровалась. Понимаешь? Потому и 30 лет живём. Душа в душу. Знала, что не принц, а слесарь-ремонтник. А попробуй нынешним бабам слесаря-ремонтника подкинуть? Ничего не выйдет. Сериал им так сказал: тебе, баба, нужен принц. Вот и бегают, ищут собирателей звезд, поэтов, этих самых. А потом что оказывается? Про звёзды он всё знает, а как гвоздь вбить не знает. Стихи прочесть может, а ребёнка воспитать – никак. И что же это за принц такой получается, который ни с гвоздём, ни с ребёнком не справится? И что же за звёзды он насобиравал? Пыль, да и только. Вот оно разочарование. Несоответствие. Казалось – звёзды. А в итоге вся баба в пыли. Так сейчас и получается, что у вас, молодых, развод на разводе.

АЛИК. Можно нескромный вопрос? Вам бывало стыдно за то, что вы звёзд с неба не собираете?

НИКОЛАЙ. А чего стыдиться? Я не поэт, не Дон Хуан какой-нибудь.

АЛИК. Если вам ни за что перед ней не стыдно, почему позволяете ей так говорить с собой?

НИКОЛАЙ. Погоди-ка, паренёк, ты это о чём?

Письмо Алика

Мне всегда было интересно, Настенька, почему мужчины позволяют своим женам третировать себя. Без причин, без оснований. В таких семейных парах это превращается в норму общения. Как бы нам с тобой избежать такой жесткой деформации бытом? Я хотел узнать у Николая, в чём причина, но вернулась его жена. И он снова погрузился на дно холодного озера. Если вздохнёт, утонет.

ТАМАРА. Какой-то кретин, весь ободок обмочил. Не, ну где воспитанность у людей, а? Можно же поднять стульчак, да гадить без прицела. Нет! Думают они одни тут ссут. Чтоб у них отсохло тама всё!

НИКОЛАЙ. Что ты, Томочка, на весь поезд-то раскричалась!

ТАМАРА. А пусть слышит. Пусть знает, что я чуть весь зад егойной уриной не замочила!

НИКОЛАЙ. Стыдоба какая, Тамара, сядь.

ТАМАРА. Ты ещё позатыкай меня, зараза. Ты ещё поговори тут! Это вместо того, чтобы меня, свою женщину, защищать, ты меня же и пристыжаешь! И мне-то ещё стыдно должно быть?!

НИКОЛАЙ. Прости, Томочка, я же беспокоюсь.

ТАМАРА. Беспокойщик. Иди в туалет сходи, говорю. Пока не закрыли.

НИКОЛАЙ. Не захотел, Тома. Всё никак.

ТАМАРА. Ой, ну и бестолочь!

Письмо Алика

...От этого невыносимого скандала проснулась женщина на верхней боковушке. На ней потёртый халат. Она, сердитая и помятая, лениво слезла с полки, и на распухшие ноги натянула тапки. Чёртовы тапки, Настя. И я только сейчас заметил, что это совсем не женщина. Это девушка. Молодая девушка. Но этот халат, эти распухшие ноги в чёртовых тапках, неровный загар, сердитое лицо, зажатый в сетчатой полочке журнал сканвордов – всё это превращает девушку в женщину, раздавленную рухнувшей стеной надежд и мечтаний. Настя, я не хочу, чтобы ты надевала такие тапки и такой халат. Настенька, я буду носить тебя на руках, лишь бы твои стройные ножки не стали обычными ногами.

НАДЯ. Чего кричите, женщина? Так-то тут спят ещё.
ТАМАРА. А неча спать-то. Время-то!
НАДЯ. О, а куда подъезжаем?
ТАМАРА. Уфа это.
НАДЯ. Долго стоять будем?
ТАМАРА. Коль, стоять долго будем?
НИКОЛАЙ. Двадцать минут вроде.
НАДЯ. Ладно, хоть разбудили. Курить хочу, не могу уже. Раньше хоть в тамбуре можно было.
ТАМАРА. Ой, курящая? Алик, твоя-то не курит?
АЛИК. Да и курила бы, не страшно.
ТАМАРА. Дык я и ничего. Колька мой тоже было курил. Потом я ему сказала: либо я либо папиросы. Вон, видишь, сидит молодчиком, не мучается, что покурить негде.
НИКОЛАЙ. А если б не Тамара, так бы и не бросил.
ТАМАРА. Чего ты лыбишься, Коля? Чего лыбишься-то? Давай-ка, бумажник доставай. На вокзал пойдём, мёда купим.
НИКОЛАЙ. Так не приехали ещё.
ТАМАРА. Так ты подготовься, вот уж ход сбавили. Так вот, Алик, возжусь с ним, как с дитём малым, ей богу.
НИКОЛАЙ. Тамарочка, ну перестань.
ТАМАРА. А ну не ворчи.
НАДЯ. Туалет-то уже закрыли.
НИКОЛАЙ. Так ведь Уфа.
НАДЯ. Тоже мне санитарная зона.

Станция «Праздничная»

Блог Полины в ЖЖ.

Наконец-то я уезжаю из этой гигантской юрты. Какой психопат строил этот город? Если бы в Уфе не существовало таксистов, я бы так и сдохла здесь, тупо заблудившись среди этих пыльных домов, хаотично разбросанных по гиперболическим улицам. Спросить дорогу у аборигенов? Да нихера они не знают. Потому что эта гигантская юрта – невъебенный лабиринт. Домой, домой! 17 долгих часов. 17 долгих часов в компании пожилой супружеской пары, женщины в халате и... Как я ненавижу таких вот мужиков. Непонятно - мужик или не мужик. Только сел на своё долбанное место, а уже вытаскивает из сумки ебучие припасы. Этот лысеющий импотент сел в поезд вместе со мной. Поезд тронулся. Этот лысеющий импотент... откуда я знаю, что он импотент? Когда я его увидела ещё в зале ожидания, я подумала: как может быть мужчина настолько не сексуальным? Почему так происходит? В чём секрет? Он вроде не толстый, не уродливый. Плешь – вообще херня. Но почему он абсолютно не сексуальный? Он взрослый, лысеющий мужик, но ему будто 15 лет. Он словно застрял в периоде онанизма и перестал расти дальше. И ещё этот пластиковый жёлтый значок. В 90-х такие значки продавали на каждом шагу. Жёлтые значки с именами. Видимо тогда-то, этот, судя по значку, Коля, купил себе эту нагрудную медаль. Он приколот её к груди и задел иглой какой-то нерв. Так Коля перестал расти.

КОЛЯСИК. Грибочки вот. Ну, мамка! Положила всё-таки. А и ладно, грибочки у неё отменные. Есть открывалка у кого? А, у меня же есть. Сейчас сделаем. Грибочки вообще отличные. У меня мамка и собирает, и маринует. Любит это дело.

НАДЯ. У меня мама тоже, хлебом не корми, дай что-нибудь замариновать. А сама я ни в жизнь. Возни с теми же грибами, ну их.

КОЛЯСИК. Не попробуете?

НАДЯ. Попробую, конечно. Я говорю, что сама не мариную, возни много. А грибочки я люблю. Попробую, как там другие делают. Моя-то мама их вообще делает деликатесными. А её бабушка научила. Секрет какой-то передала. Сейчас бабушка сама не делает, лежит. Плохая совсем стала. Но секрет передала.

Блог Полины

Лысеющий импотент просит называть его Колясиком. Колясик, блядь. Этот Колясик сидит рядом с тем, кто представился Аликом. Что за дебилские имена у всех? Вот я Полина. Почему бы вам всем не стать Полинами? Алик. Очкастый Алик. Худой очкастый Алик. Бледный, худой, очкастый Алик. Мы называем таких вот бледных дрыщей «курёнками». Это, по-нашему, труп, меньше пятидесяти килограммов. В этом туловище может и чуть более, но выглядит он как самый настоящий курёнок. Ебанутый очкарик, который попросил называть его Аликом.

КОЛЯСИК. Алик, ты-то как? Угощайся.

АЛИК. Нет, спасибо.

КОЛЯСИК. А ничего, что мы тут притесняем тебя?

НАДЯ. Так ты раз не жрёшь, сядь пока на боковушку. Вона, посиди, в окошко погляди.

КОЛЯСИК. Точненько! А мы поедем покамест.

Блог Полины.

Курёнок садится напротив меня, складывает свои худощавые руки на столик. Его длинные пальцы сцепились в замок. Его очкастая голова стала тонуть в плечах. Чего ты боишься, маленький, милый курёнок? Чего так испугано вперился в меня из-под своих уродливых очков в ореховой оправе? В толстой ореховой оправе. Ты серьёзно считаешь себя настолько ебанутым, чтобы носить очки в толстой ореховой оправе?

АЛИК. Здравствуйте...

ПОЛИНА. Ага.

АЛИК. Не против?

ПОЛИНА. Пофиг.

Письмо Алика.

Настя, тут стало тесновато. Мой сосед сверху развернул целый пир. Появилась ещё одна соседка на нижней боковушке. Знаешь, на кого она похожа? На Полумну Лагвуд из твоего любимого Гарри Поттера. Только волосы не седые. Но, кажется, она такая же ненормальная, как эта твоя Палумна Лагвуд. Хотя, что я знаю о нормальности? Может быть и я ненормальный. Только я и она, только мы вдвоём сейчас не дегустируем маринованные грибы моего нового соседа.

КОЛЯСИК. Ну как?

НАДЯ. Неплохо. Почти, как у мамы.

ТАМАРА. По-моему, твоя мать с укусом переборщила. Нет?

КОЛЯСИК. Да какой укус! Вы что, всё натуральное.

НАДЯ. Нет, укуса не чувствую. Хороши грибочки. Почти как у мамы.

КОЛЯСИК. Ну!

ТАМАРА. А, ну да, хороши. Я с первого раза не распробовала. Коля, а ну-ка, попробуй.

НИКОЛАЙ. Тамара, ну ты же знаешь, я грибы не очень.

ТАМАРА. Да попробуй, скотина такая! Язык не отвалиться, попробовать-то.

КОЛЯСИК. Попробуйте, тёзка. Это ведь сама нежность!

НАДЯ. Хорошо бы к пюре.

ТАМАРА. Или с картошкой в мундире.

НИКОЛАЙ. Пф-ф-ф... в мундире.

ТАМАРА. Чего морду воротить? Полезно в мундире. Коля у меня не любит картошку в мундире.

НИКОЛАЙ. Да, сухость одна.

ТАМАРА. Так а с грибочками-то? С грибочками-то самое то! Бестолочь.

КОЛЯСИК. О, да-а-а, картошечка с грибочками!

НАДЯ. Моя мама никогда не готовила. А бабушка – бывало.

ТАМАРА. А ты, Надежда, сама-то готовишь?

НАДЯ. Не люблю, но конечно приходится. Мать я, или кто вообще! У меня ж дочка, полтора года. Я для неё только и живу, знаете ли. И готовить научилась уже после родов. Скучаю по дочке, не могу прям. А я вот отдыхать ездила, дочурку маме оставила. Никакого отдыха, вся испереживалась. А муж работает, видите ли. Работает он, с родной дочерью посидеть не может.

ТАМАРА. Без детей тяжело. Без кровиночки-то. Кстати, Алик вот у нас жениться едет.

КОЛЯСИК. Да ладно?! А чего молчал-то? Алик! Чего молчал-то? А ну-ка, сюда садись, ближе.

АЛИК. Да ну, тесниться.

КОЛЯСИК. А знаешь, что? А знаешь что? Вот повезло тебе! Сейчас всё будет!

Письмо Алика.

Зачем я сказал про женитьбу, Настя?! Это дикий ужас. Колясик достал вино! Он намерен играть свадьбу прямо в поезде!

КОЛЯСИК. А?! Ну?!

НАДЯ. Ох, винишко. Домашнее?

КОЛЯСИК. А то! Мамка делает. Алик, а ну-ка давай свадьбу отмечать!

АЛИК. Да какая свадьба!

КОЛЯСИК. Давай, давай, это ж событие – брак. Главное событие в жизни.

НАДЯ. Ой, да! Главное чтобы свадьбу отыграть красиво. Тебя Аликом звать, да? Алик, для женщины свадьба - это важно, помни. Вот мой муж до чего козлина, а всё же когда смотрю на свадебные фотографии, слёз не могу сдержать. Как хорошо было, а!

КОЛЯСИК. Алик, ну?!

АЛИК. Да я не пью. Что за ерунда, я же не женился ещё.

ТАМАРА. Не пьёшь? Болеешь?

КОЛЯСИК. Печень?

НИКОЛАЙ. Это самое, на доньшке. Вот, на доньшке кружки. Выпить-то надо, без этого никак.

ПОЛИНА. Что ты на меня так смотришь, будто разрешения спрашиваешь?

АЛИК. Простите?

ПОЛИНА. Я не против, пей.

ТАМАРА. Девушка, а ну-ка ,может и вы?

ПОЛИНА. Печень.

ТАМАРА. Болит?

ПОЛИНА. Нужна.

ТАМАРА. Ну, Алик, давай. За твоё, значит, семейное счастье. Чтобы детишек побольше было, да? Чтобы не ругались с супругой-то.

КОЛЯСИК. Давай, твоё здоровье.

АЛИК. Ага.

Блог Полины.

Понеслась пизда по кочкам.

КОЛЯСИК. Ну, расскажешь хоть про невестку?

АЛИК. Да что рассказывать...

НИКОЛАЙ. Красивая?

АЛИК. Не без этого.

ТАМАРА. Как познакомились? Мы с Колькой-то познакомились, ха, ой, смех-то какой. Коль, помнишь?

НИКОЛАЙ. Чего?

ТАМАРА. Как познакомились с тобой, помнишь?

НИКОЛАЙ. Тамара, причем тут мы.? Алик вон жениться едет, пусть, это самое, он и рассказывает.

ТАМАРА. Погоди ты. В общем, еду я в Краковку... ну к матери поехала, из института. А до этого съела чего-то не того.

НИКОЛАЙ. Тамара, ну что ты, ей богу...

ТАМАРА. Помолчи, скотина. Еду в автобусе, тут как приспичит, ну нет сил. Говорю водителю: «Останови, посрать надо»

НИКОЛАЙ. Тамара, что ты!

ТАМАРА. Ой, не могу! Бегу в кусты, что есть сил, не глядя за дерево-то сажусь, портки скидываю...

НИКОЛАЙ. Тамара, перестань!

НАДЯ. Пусть дорасскажет.

ТАМАРА. Сижу, значит, глядь в сторону – а рядом этот сидит. Глазища выпучил, испуганный. Ему тоже приспичило, здесь же видать и сел, ей богу. А второпях не заметила. Сидим рядом, значит, он тужится, я расслабляюсь. Что делать? И он знает, что мне говорит? Этот балбес знает, что мне говорит? Глазища выпучил и говорит: «Николай». И голову, этак, склонил. «Николай», бляха муха! Так и познакомились. Ну, Алик, давай, рассказывай, как с невестой своей познакомился?

АЛИК. По работе пересеклись.

КОЛЯСИК. Ещё по одной?

НИКОЛАЙ. Можно.

ТАМАРА. Можно, но тебе нельзя. Колясик, разливай. А этому хватит.

НИКОЛАЙ. Ну, Тамара!

ТАМАРА. Цыц!

КОЛЯСИК. По работе пересеклись?

АЛИК. Она у меня интервью брала?

КОЛЯСИК. Что она у тебя брала?

НАДЯ. А ты что ли знаменитость?

АЛИК. Я палеонтолог. Участвовал в экспедиции. А она журналистка, приехала в газету про нас писать.

ПОЛИНА. Про вас? Может про ваши раскопки?

АЛИК. Не суть. Познакомились, разговорились. Ночью она попросилась ко мне в палатку. Говорит, боится одна.

ПОЛИНА. Ночь, палатка, тишина. Вокруг другие участники экспедиции. Думаю, в дело вмешался гормон допамин.

АЛИК. Окситоцин. Если уж вы решили перевести чувство в химию.

ПОЛИНА. Окситоцин? Я тебя умоляю.

АЛИК. В чём дело, девушка?

ПОЛИНА. Продолжай.

Письмо Алика

Настя, эта девушка, с нижней боковушки, она, может быть, даже сумасшедшая.

Блог Полины

Художщавый влюблённый курёнок едет жениться. На ком, блядь? На мисс-анорексия?

АЛИК. Короче, я влюбился. Я влюбился. Без всяких там... допамина и желаний плотских утех.

ПОЛИНА. Ясно.

НАДЯ. Она из самого Екатеринбурга приехала? Это что вы там такое раскопали? Живого мамонта?

ПОЛИНА. Вероятно, живую Ладу.

Блог Полины.

А улыбка у него красивая. Он улыбнулся. Он понял мой прикол. Чёрт возьми, я не сразу поняла, что тоже улыбаюсь. Проклятье. Никто больше не улыбается, только мы – очкарик и я. Никто больше не улыбается, никто не понял в чём, блять, здесь прикол.

КОЛЯСИК. Эм... мы что-то пропустили?

АЛИК. Ладу! Признаться, это довольно остроумно.

НАДЯ. В чём прикол-то? Типа Лада – такая древняя машина, что её нашли при раскопках?

ПОЛИНА. Тоже неплохо.

АЛИК. Нет, Лада – это из древнеславянской мифологии. Богиня любви и семейного очага. Девушка имела ввиду, что мы раскопали Ладу, поэтому я влюбился в первую встречную и сразу решил на ней жениться.

КОЛЯСИК. Так что откопал-то?

АЛИК. Лично я ничего не откапывал, я же палеонтолог, а не археолог...

НАДЯ. Да хорош нудеть! Колясик, наливай.

КОЛЯСИК. Интересно же чего откопали.

НАДЯ. Мамонта поди какого?

АЛИК. Пещерного льва. Почти целый скелет нашли. И снова у нас, в мелеузовском районе.

ТАМАРА. Вздрогнем! За пещерного льва!

НИКОЛАЙ. Тамара, можно за пещерного льва?

ТАМАРА. Сиди!

АЛИК. Нашли скелет в пещере. Вообще это очень необычно, ведь пещерные львы не обитали в пещерах.

НАДЯ. А схераль он тогда пещерный?

АЛИК. Так называли. Но по образу жизни он не должен был оказаться в пещере. А останки были найдены вместе с орудиями быта человека. И ещё несколько костей человека нашли.

Женской особи. Но вот что странно, человек, насколько ранее было известно, не охотился на пещерного льва.

НИКОЛАЙ. Может инопланетяне?

АЛИК. А причём тут инопланетяне?

ТАМАРА. Да не слушай ты его, он балбес. Коля, ну причём тут инопланетяне!

КОЛЯСИК. Так может он того, залез туда от дождя, например, спрятаться. В мелеузовском районе раньше были дожди?

АЛИК. Раньше не было мелеузовского района.

НИКОЛАЙ. А что, может и инопланетяне. Они ведь и правда есть.

ТАМАРА. Ой, Коля, помолчи, не позорь меня.

АЛИК. Мы совместно с археологами и биологами Свердловской области в экспедиции участвовали. Будем продолжать изучать останки совместно. Уже в УроРАН.

НАДЯ. Вот прям будете сидеть и думать за каким хером пещерный лев оказался в пещере?

АЛИК. В частности. Вообще это немаловажный вопрос. Ответ на него может поменять прежнее представление о быте наших предков. Ведь именно в тот период начал формироваться вид Хомо Сапиенс.

ТАМАРА. Помню, да. Передачу смотрела. Вот так и сказали там – начал формироваться Гомо Сапиенс. Сынок тогда ещё прокомментировал, а сейчас, мол, активно формируются Гомик Сапиенс.

КОЛЯСИК. Ваш сын гомофоб?

ТАМАРА. Чего это вдруг? Он нормальный.

НИКОЛАЙ. Тоталитарный.

КОЛЯСИК. Тоталитарный – это режим в вашей семье. А сын ваш, наверное, всё-таки толерантный.

ТАМАРА. Так, я не поняла, а чего это ты на нашу семью бочку катишь?

КОЛЯСИК. А что значит «он не такой, он нормальный»? Гомосексуалисты, значит, не нормальные?

НАДЯ. Херасе ты загнул! Конечно не нормальные.

ТАМАРА. А что нормального, когда мужик с мужиком-то?

КОЛЯСИК. Уф, ладно. Просто вы так сказали...

НАДЯ. А ты что гомик?

КОЛЯСИК. Почему сразу «гомик»? Ох, чего говорить-то. Давайте лучше выпьем ещё.

НАДЯ. Ну, хорошо, что не гомик. А то я бы с педорасом пить не стала.

Блог Полины.

Наконец-то повисла тишина. Для этих пиздаболов – неловкая пауза. Для меня тишина. Только стук колёс. И я смотрю на худые пальцы Алика. Эти пальцы похожи на лапы тарантула. Только не волосатые. Совсем не волосатые пальцы.

ТАМАРА. А ты-то девушка чего молчишь? В одной компании сидим. Не пьёшь, так хоть расскажи чего-нибудь.

ПОЛИНА. Хм... ладно, чёрт с вами, слушайте: у паукообразных нет мышц. Как же они передвигают своими конечностями, спросите вы? А всё дело в том, что их лапы изнутри полые, как шланги. В движение приводятся, вы только представьте, за счёт тока и оттока крови. Вы когда-нибудь видели, что происходит со шлангом, когда открываешь кран? Шланг напрягается. Он начинается извиваться. Та же херня с лапами паука.

Блог Полины.

И снова Алик улыбнулся. Он-то знает, что не надо просить ебанутого человека что-нибудь рассказать.

НАДЯ. А причём тут пауки?

ПОЛИНА. А причём тут пидорасы?

Станция «Откровенная»

Письмо Алика

Только ты ничего такого не подумай, Настенька. Но я снова напишу тебе про эту девушку с нижней боковушки. Не волнуйся, она совсем не в моём вкусе. Вообще некрасивая. Даже страшная. Я и хочу тебе сказать, что боюсь её. Взгляд... как бы тебе объяснить такой взгляд. В нём цинизм. Много цинизма. Мне кажется, она может убить человека. Что-то есть за этим взглядом холодное, отторгающее, невероятно жуткое. Женщина с таким взглядом, ели вдруг по случайности пырнёт меня ножом, даже «простите» не скажет. Она скажет: «Ой, блять. Вот такая хуйня, чувак». И она постоянно что-то печатает на своём нетбуке. Может тоже журналистка?

НАДЯ. Не могу уже, а что делать? Всё-таки ребёнок. Три года в браке, он за это время ни одного букетика не подарил. А раньше и дня без подарков не было.

ТАМАРА. Брак меняет мужиков, да.

НАДЯ. Ладно бы подарки. Нет, ну мог бы хоть цветочек подарить? Или в ресторан сводить. Просто так, без повода.

ТАМАРА. Да ладно, не переживай, свыкнешься. Поживёте ещё немного, да свыкнешься.

НАДЯ. Не знаю, Тамара. Я недавно посмотрела его переписку вконтакте. Дикая ужас! Он со своими бывшими переписывается. «Привет, Леруся!». Представляете! Я всю ночь проплакала, а он даже оправдываться не стал. Накричал на меня, что я его переписку читала. Ужас просто. Не знаю, что делать. Мама говорит: разводись, подавай на алименты.

ТАМАРА. Ну уж разводиться-то зачем? Как ребёночек без папы расти будет? Это и не по-христиански.

НАДЯ. Я без папы росла, ничего. Выросла вот. А как мне с ним жить? Он не заботится обо мне. Я для чего выходила замуж? Чтобы носки его стирать? Целыми днями на работе пропадает, приходит, жрёт - и в компьютер. Сидит в «танчики» дебилные играет. Ни ласки тебе, ни тёплых слов. Урод.

КОЛЯСИК. Блинский, зачем же ты замуж выскочила?

НАДЯ. Я за другого человека выходила. За внимательного и нежного мужчину. А после свадьбы как подменили.

КОЛЯСИК. Ему поди не до романтики теперь. Целый день на работе, а дома ребёнок плешь проедает. Его ведь понять можно, какая там романтика.

НАДЯ. Мужчина должен заботиться о своей женщине! Это его обязанность. У моей подруги муж вообще и готовит ей, и по дому всё делает. Потому что любит и ценит её как женщину. И тоже ведь работает. Всё успевает, между прочим. А у меня козёл какой-то. Только о себе и думает. С ребёнком играет только, когда сам хочет поиграть. Мужчина должен всё для своей женщины делать.

ТАМАРА. Вот-вот.

НИКОЛАЙ. Это самое, а женщина что должна?

НАДЯ. Любить! Это единственная обязанность женщины – дарить свою любовь.

КОЛЯСИК. И ты выполняешь эту свою обязанность?

НАДЯ. Как? Как я могу любить его теперь? Я не знаю, что делать. Может и правда надо маму послушать. Она тоже от отца ушла, когда поняла, что от него нечего больше ждать. Мужики такие сволочи.

ТАМАРА. Ой, не говори. Но ты не разводишься. Главное сейчас – ребёночек. А с мужем уж как-нибудь. Стерпится, слюбится. Алик, мотай на ус. Как женишься, жену любить не забывай.

Коля мой мне вот до сих пор то букетик подарит, то конфет каких приволочет. Скотина, такие деньжища тратит на всё это. Зато видно, что любит.

КОЛЯСИК. Не поймёшь вас, женщин.

НАДЯ. А что непонятного? Всё, что нужно женщине – внимание.

КОЛЯСИК. Ага. И чтобы семейный бюджет был на зависть подругам.

НАДЯ. Ну уж деньги зарабатывать – это обязанность любого мужчины. Тем более отца семейства. Уж я то знаю, что должен мужчина. Я мать, или кто вообще?!

КОЛЯСИК. Всё обязаны, я помню. Блинский, а потом удивляетесь, откуда гомосексуалисты появляются.

НАДЯ. Да все мужики сейчас какие-то гомосеки.

ТАМАРА. Ох, да, мельчает мужик. Ладно, я полежу чуток. Что-то в голове зашумело. Вино хорошее. Колька, я полежу пойду.

НИКОЛАЙ. Да, Тамара, полежи. Наверх или тута?

ТАМАРА. Сиди. Я на верхнюю.

Письмо Алика

Настя, в поезде бывает и весело. Видела бы ты это зрелище. Тамару никак не назвать гимнасткой. Однако, женщина по каким-то неведомым причинам полезла на верхнюю полку, чтобы полежать. Но Тамары настолько много, что она застряла, пытаясь забраться наверх...

ТАМАРА. Коль, а ну помоги, я застряла.

НИКОЛАЙ. А чего наверх-то поползла? Тут бы лежала.

ТАМАРА. Помоги, говорю.

НИКОЛАЙ. Как помочь-то. Ну пролазь. Руками-то шеруди.

ТАМАРА. Ну подтолкни с заду-то.

НИКОЛАЙ. Давай, толкаю.

ТАМАРА. Чего бока мнёшь. В зад пихай, в зад!

НИКОЛАЙ. Так пихаю.

ТАМАРА. Сильнее пихай. Ну! Пихай в зад-то!

НИКОЛАЙ. Дык пихаю же.

ТАМАРА. Ох, ещё немного, давай, Коля, пропихни ещё чуток.

НИКОЛАЙ. Да уж всё?

ТАМАРА. Ох, хорошо. Всё, полежу теперь. Коль, ты мне чай сделай. С лимоном только. Пусть стынет пока.

Письмо Алика.

Николай аж вспотел. Честное слово, Настя, он вспотел так, будто вагон арбузов разгрузил. Рукавом рубахи стёр пот со лба, взял стакан и пошёл за чаем для своей принцессы, которая любит быть на высоте.

ПОЛИНА. А может, так дело было: сидели в пещере древний муж и древняя жена. Грелись у костра. А жена говорит: «а сходи-ка, пожрать принеси. Хочу пещерного льва и малину». А мужик говорит: «дорогая, но мы никогда не ели пещерных львов, охотиться на них очень

опасно». А женщина, поправляя древнюю причёску, в слёзы: «ты перестал меня удивлять!» Что делать, пошел мужик на охоту, принёс пещерного льва и малину. А баба ему: «а где древние цветы?! Ты не инициативный, ты перестал меня любить! Пошёл вон из пещеры! И не возвращайся».

АЛИК. Я предложу эту гипотезу на совещании в УроРАН.

КОЛЯСИК. Алик, а твоя невеста кто по гороскопу?

АЛИК. Понятия не имею.

КОЛЯСИК. А ты?

АЛИК. Какая, разница, Коля?

НАДЯ. Как это какая разница? Вот мы с мужем по гороскопу вообще несовместимы. Тоже думала забить, а видишь как вышло. Нам даже поговорить не о чем. Полная несовместимость. Перед отпуском ходили в магазин, хотели взять мультиварку в кредит. А он упёрся, ему вдруг микроволновую печь захотелось. Не, ну не debil? Сравнил, да? Мультиварку и микроволновую печь. Нет, это полная несовместимость. Я не знаю, как мы дальше жить будем.

КОЛЯСИК. Так кто ты по гороскопу?

АЛИК. Это всё чушь.

КОЛЯСИК. Ну, скажи кто ты по гороскопу? Ради интереса.

АЛИИК. Козерог.

КОЛЯСИК. О! А я телец. Понимаешь, да?

АЛИК. Ничерта я не понимаю.

КОЛЯСИК. Идеальное сочетание.

АЛИК. Коля, о чём ты?

КОЛЯСИК. Я не в том смысле, чтобы... а вообще. Видишь, как мы хорошо с тобой находим общий язык. И мне вот комфортно с тобой общаться. В гороскопе что-то есть. Тайное и непостижимое.

НАДЯ. Да. Если бы мой муж был тельцом, то всё могло иначе сложиться. А он оказался бараном. Овном, в смысле.

Блог Полины

Видели бы вы лицо этого подкаблучника Николая, когда он вернулся с чаем, но застал жену храпящей. Мне кажется, он приложил немало усилий, чтобы не вылить этот чай на её перекошенное алкоголем лицо.

КОЛЯСИК. Так зачем замуж выходила, если знала, что он не телец?

НАДЯ. Вот скажешь тоже, зачем. Мне уже 30 лет. Будто было время выбирать. Да и мама с бабушкой всю плешь проели: «Когда же замуж выйдешь, сколько можно в девках сидеть». Да и подружки туда же. Сами, сучки, повыскакивали замуж, и давай мне в морду этим тыкать.

КОЛЯСИК. Ой, не надо слушать. Мне мама тоже всё время говорит, чтобы я женился. А я дурак что ли?

АЛИК. А почему «дурак»?

КОЛЯСИК. Я пока не готов к этому. Надо на ноги встать сначала.

НАДЯ. А ты с мамой живёшь?

КОЛЯСИК. С мамой, да.

НАДЯ. Ясно.

КОЛЯСИК. Что?

НАДЯ. А куда едешь?

КОЛЯСИК. К тётке Наташе. У неё юбилей. Мама тоже хотела поехать, но приболела. Я вот подарки от неё везу.

Блог Полины.

Очкарик, видимо, устал от этого дерьма, решил уйти. Но в поезде далеко не уйдёшь. Куда он? В туалет? И почему таким внимательным взглядом его провожает Колясик? Колясик, блять. А почему таким внимательным взглядом его провожаю я?

НИКОЛАЙ. Алик-то совсем что-то приуныл. Видали?

НАДЯ. Инфантильный он какой-то. Не удивлюсь, если его невеста ему откажет. Я бы вообще подумала, что он девственник.

НИКОЛАЙ. Чего это?

НАДЯ. Какой-то он... ну не самец. На моего одноклассника Кешу похож. Его чмырили все. Понятное дело, ни одна баба ему бы не дала даже под страхом смерти.

КОЛЯСИК. Нормальный парень, ты чего.

НАДЯ. А мне кажется он лошара. Ему жена изменять будет, а он ничего не сделает. Вот прям у него на глазах она будет трахаться, он будет смотреть и плакать.

НИКОЛАЙ. Это самое, хороший парень вроде. Учёный.

НАДЯ. Во-во, учёный. А ума нет.

Блог Полины

И тут я действительно пожалела, что очкарик покинул место напротив меня. Я захотела воспользоваться своим электрошокером, как минимум. На место, где раньше сидел очкастый курёнок, сел не обременённый разумом австралопитек из соседней «палаты». Интересно, Алику понравилось бы моя метафора про австралопитека?

ТОЛИК. Привет, красавица. Может, познакомимся?

ПОЛИНА. Нет, спасибо.

ТОЛИК. Да ладно, чо ты. Меня Толиком зовут.

ПОЛИНА. Сочувствую.

ТОЛИК. А ты чё такая дерзкая, а?

Блог Полины

И лысый импотент решил покинуть нашу славную компанию. Да, ребята, давайте вы все съебётесь и оставите меня наедине с этим быдлом Толиком. Может тогда я смогу случайно воткнуть в него иглы своего электрошокера.

КОЛЯСИК. Пойду носик попудрю.

НАДЯ. Давай, ссы.

ТОЛИК. Да ладно тебе, как звать-то? Соседи же, все в одну сторону едем, побазарим хоть.

НАДЯ. Сейчас она тебе про пауков разве что зальёт. Меня Надя зовут.

Блог Полины.

Да, Толик, давай, переключи своё пропитанное тестостероном внимание на эту милую замужнюю бабёшку. Она замужем, ты с кольцом – развлекитесь, не ебите мне мозг. Но нет ведь. Толику интересно подкатывать свои волосатые яйца именно ко мне.

ТОЛИК. Ну а чё, куда едешь, как дела вообще? Ты так-то вообще красивая.

ПОЛИНА. Я знаю.

ТОЛИК. Ну и мне ты понравилась.

ПОЛИНА. Досадно.

НАДЯ. Толик, винца будешь?

ТОЛИК. А чё, есть? Буду, чё спрашиваешь. А ты не куксись, я ж нормально.

Письмо Алика.

Решил постоять возле тамбура. Надоели соседи. Надоели до ужаса. Хочется покурить, но я обещал ведь тебе, что не буду. Всё, я бросил. Уже два дня ни одной сигареты. Я стою возле туалета, пассажиры, наверное, думают, что я жду очереди.

КОЛЯСИК. О, тоже приспичило, да?

АЛИК. Физиология.

КОЛЯСИК. И у меня.

АЛИК. Похвально.

КОЛЯСИК. Алик, погоди. Это... слушай.

АЛИК. Ты вроде в туалет хотел?

КОЛЯСИК. Да... просто я тут подумал вот. А чего это ты сразу жениться решил?

АЛИК. Коля, я тебя не понимаю.

КОЛЯСИК. Да погоди ты. Давай постоим, подышим.

АЛИК. Возле туалета?

КОЛЯСИК. Просто я, знаешь ли, сказать тебе хотел. Ну вот ты симпатичный парень.

АЛИК. Коля...

КОЛЯСИК. Не, не, ты не подумай. Я к тому, что ты ещё молод, и такой красивый. А так сразу хочешь окольцевать себя. А там всё, считай.

АЛИК. Коль, я не уверен, что это твоё дело.

КОЛЯСИК. Не, не, ты не подумай, я не лезу в твою личную жизнь. Просто часто так бывает, знаешь, свяжешься по молодости с женщиной, так она из тебя верёвки вить начнёт. Серьёзно. Я знаю. Я живу с мамой и с сестрой, я женщин изнутри знаю. Они очень коварны. Погоди, погоди, дай скажу-то. Просто вот сам подумай: зачем сразу жениться? Это ж как бы... вот что я тебе скажу: женщины очень меняются, когда им удаётся надеть кольцо всевластия. Честное слово. Это ведь их цель в жизни, мужика охомутать. Сначала они все такие милашки, а потом сказке конец.

АЛИК. Коля...

КОЛЯСИК. Я ничего не имею против женщин в целом. Просто, подумай. Знаешь, вот я... вот я как-то уже разочаровался.

АЛИК. В женщинах?

КОЛЯСИК. Я не могу поверить, что женщина может стать верным спутником жизни. Алик, ты меня понимаешь? Скажи, понимаешь ли ты меня?

АЛИК. Боюсь, что начинаю понимать.

КОЛЯСИК. Алик, знаешь, что я тебе скажу. Вот ты сейчас в Екатеринбург приедешь, где жить будешь? Квартиру снимать надо, да? А я вот подумал – может и мне перебраться в Екатеринбург? Первый месяц у тёти моей поживём, а потом квартиру снимем. Вдвоём-то дешевле выйдет.

АЛИК. Мать твою, Коля...

КОЛЯСИК. Называй меня Колясик. Меня мама так называет.

АЛИК. Мать твою, Колясик...

КОЛЯСИК. Ну так что? Главное повремени пока с женитьбой. Погоди, погоди... вдруг ты меня не так понял. Я не говорю, что женщины – это совсем плохо. Мне тоже нравятся их грудь там, попка, всё остальное. Но... верного спутника среди женщин не найти, понимаешь о чём я?

АЛИК. Коля... сик. Я толерантен, но... как бы это помягче сказать... иди на хуй.

КОЛЯСИК. Да ты меня не так понял, Алик. Извини, извини. Я просто хотел сказать, что ты бы мог с ней быть, но жить... жить мы могли бы вместе с тобой. Жениться не обязательно, Алик. Ты разочаруешься в женщинах, вот увидишь.

АЛИК. Колясик, она беременна. Иди в туалет уже.

КОЛЯСИК. Она беременна?

АЛИК. Она беременна, Колясик.

КОЛЯСИК. Но это всё меняет.

АЛИК. Между нами, дружище.

КОЛЯСИК. О да, между нами.

АЛИК. Я серьёзно, между нами. Понимаешь о чём я?

КОЛЯСИК. Я всегда понимал тебя.

АЛИК. Она беременна, Колясик.

КОЛЯСИК. Не возражаешь, если схожу в туалет?

АЛИК. Буду рад.

КОЛЯСИК. Значит, у нас ничего не получится?

АЛИК. Колясик, иди в туалет.

КОЛЯСИК. Я просто спросил. На всякий случай.

АЛИК. Так, я хочу понимать, какой момент нашего диалога кажется тебе не вполне завершённым?

КОЛЯСИК. «Между нами»... это как бы между нами могло бы что-то быть?

АЛИК. Нет! Чёрт бы тебя побрал. «Между нами» - это значит, что ты не должен никому говорить о том, что моя девушка беременна. Я не хочу, чтобы эти незнакомые мне люди, на которых мне плевать, думали, что у меня брак по залёту.

КОЛЯСИК. Ты можешь доверять мне.

Блог Полина.

Решила найти спасение от быдла в тамбуре. Постояю, подышу. Кстати, забавную сцену застала у туалета.

АЛИК. У нас любовь! Понимаешь? Любовь.

КОЛЯСИК. У нас?

ПОЛИНА. Алик, ты легкомыслен. А как же невеста?

КОЛЯСИК. Ой, я первый в туалет.

АЛИК. Ты решила сойти?

ПОЛИНА. Там эволюция быстро мчится вспять.

АЛИК. Позволь с тобой?

Блог Полины.

Я хотела отдохнуть от всех. Абсолютно ото всех. Но по какой-то неведомой причине Алик увязался за мной. И по какой-то неведомой причине, меня это порадовало.

ПОЛИНА. Он приставал к тебе?

АЛИК. Пришлось разбить ему сердце.

ПОЛИНА. У меня тоже появился почитатель.

АЛИК. Николай?

ПОЛИНА. Куда ему, он на поводке. Ненавижу поезда.

ЖЖ Полины.

Я закурила. У меня где-то завалилась лишняя тысяча на штраф.

АЛИК. Почему они все так откровенны? Эти люди. Они сходу рассказывают обо всём подряд. О том, как читают переписки мужей, как знакомятся во время опорожнения кишечника. Да я и сам: «Еду жениться». Кому какое дело? Зачем я это сказал? И ведь самое страшное, что я ничего не выдумал.

ПОЛИНА. В поездках всегда так. Здесь встречаются люди, которые больше никогда друг с другом не встретятся. А у людей многое накапливается. Им хочется выплеснуть на кого-то все свои помои. Шум колёс, дорога... дорога сама по себе, как точка отсчёта. И здесь хочется освободиться от всего, что гниёт внутри. Дорога создаёт иллюзию обнуления данных. Кажется, что здесь есть шанс начать всё сначала. Но это иллюзия. Это такая же иллюзия, как то чувство, когда под сердцем появляется настолько осязаемая тяжесть, что кажется, будто можно вскрыть грудную клетку, ухватить эту тяжесть и выбросить вон. Но когда вскрываешь, убираешь рёбра, оказывается, что там ничего нет. Под сердцем нет ничего лишнего. Никакой тяжести. Только вонь мяса и запах крови.

АЛИК. Мне кажется, что эти люди вскрыли мои сомнения.

ПОЛИНА. И сомнений нет никаких. Твои сомнения – это выбор между тем, что ты должен и тем, что ты хочешь. По залёту?

АЛИК. Ты говорила об откровении в поездках. Это ведь потому что мы никогда не увидимся? Больше никогда не увидимся?

ПОЛИНА. Откровенность нужна для того, чтобы не было проблем в отношениях с людьми. Когда ты откровенен, сразу видно, кто ты на самом деле. Быть откровенным – значит оставаться самим собой. А если притворяться кем-то, что-то скрывать, насиловать свои чувства, то постепенно превратишься в кусок мясного пластилина. Из тебя можно будет слепить какое угодно дерьмо. Когда делаешь то, что должен, а не то, что хочешь, ты, конечно, сразу становишься невъебенно хорошим человеком. Но если задумаешься... если сядешь и задумаешься, то поймёшь, какое ты на самом деле унылое говно.

АЛИК. Мне нравится, когда ты материшься. Далеко не всем девушкам удаётся так красиво произносить брань. Ты охуительно материшься.

ПОЛИНА. Я просто ни с кем не заигрываю, Алик. Она сказала, что беременна, да?

АЛИК. Честно говоря, она вообще моя первая женщина.

ПОЛИНА. Был бы ты девочкой, мог бы этим гордиться.

АЛИК. Не ладилось у меня как-то с женщинами.

ПОЛИНА. Живёшь с мамой, работаешь в академии, в каком-нибудь всеми забытом подвальчике?

АЛИК. Там моя лаборатория. Не научился как-то я с девушками общаться.

ПОЛИНА. А эта юная мадам смогла пробудить в тебе мужчину?

АЛИК. Она сама всё...

ПОЛИНА. Понятное дело, ты не виноват.

АЛИК. Это была прекрасная неделя. Потом она уехала, писала мне. Звала к себе. Говорила, что полюбила меня. Просила, чтобы я перестал жить с мамой, пока сам не превратился в женщину. Она сказала мне, что я очень женственный, но она может сделать меня мужчиной.

ПОЛИНА. Неужели никто до неё не смог склонить тебя на путь разврата и похоти?

АЛИК. Ну... у меня были девушки. Но не долго. Я их приводил домой...

ПОЛИНА. К маме.

АЛИК. ...повторных встреч не было. До соития не доходило.

ПОЛИНА. Разумеется.

АЛИК. Как я был глуп.

ПОЛИНА. Ничего не изменилось.

АЛИК. А ты считаешь меня привлекательным?

ПОЛИНА. О, нет, увольь.

АЛИК. А ты очень привлекательная.

ПОЛИНА. Ну всё, понесло лишённого невинности.

АЛИК. Да, она беременна.

ПОЛИНА. Поздравляю. Теперь ты мало того, что мужчина, да ещё и будущий отец.

АЛИК. Эти люди вскрыли мои сомнения. Как твоё имя?

ПОЛИНА. Полина.

АЛИК. Полина, ты понимаешь, о чём я?

ПОЛИНА. Нет, ты не женственный. Ты как мальчик. Ты взрослый мужик, но маленький беспомощный мальчик. Не возвращайся к маме, Алик. Дай себе вырасти.

АЛИК. Я не вернусь. Теперь уж не вернусь.

ПОЛИНА. Ты глупенький. Совсем глупенький.

АЛИК. От тебя это слышать не обидно.

ПОЛИНА. Потому что ты видишь во мне свою мать...

АЛИК. О, только не «Юнг», умоляю!

ПОЛИНА. Забавно, как ты реагируешь.

АЛИК. Да меня уже все затрахали этими «Фрейдами, Юнгами».

Блог Полины.

А потом к нам в тамбур зашёл австралопитек Анатолий.

ТОЛИК. О! Вот ты где. А я уж это, думал, что как-то так.

ПОЛИНА. Какие пространные выводы.

ТОЛИК. Ну чего, красоточка, пошли. Винчик сам себя не выпьет.

ПОЛИНА. Я уже сказала, что не пью.

ТОЛИК. Да кто пьёт-то. Так, на доньшке.

ПОЛИНА. Молодой человек, австралопитеки – не мой круг общения.

ТОЛИК. В смысле?

АЛИК. Опрометчиво. Он скорее Хомо Эректус. Он довольно высок, близко посаженные глаза. Ощутимы признаки связной речи.

ТОЛИК. Чо? Ты кто тут ваще? Слышь, э?

АЛИК. Хотя на счёт связной речи, я, пожалуй, ошибся.

ТОЛИК. Ты типа шас меня эта, да? Ты чё, ёпт? Ты типа дерзкий, а?

ПОЛИНА. Алик, ты его травмировал.

ТОЛИК. Слышь, ботанщина, ты хоть понимаешь, как ты попутал, а?

АЛИК. Мне показалось, эта леди не разделяет вашего желания пообщаться.

ПОЛИНА. Теперь он хочет общаться с тобой, Алик.

ТОЛИК. Молчи, женщина. Пацан, сюда шас иди.

АЛИК. Между нами три шага, мог бы и сам пройти.

ТОЛИК. Бля, как ты меня бесишь. Вот вообще ненавижу таких удадов.

Блог Полины

Конечно же он ударил Алика. Это было так мило. Нет, милым мне показалось не то, как его бьют, а с каким мужественным выражением лица этот очкастый рыцарь принял первый удар. Я закурила ещё, сделала глубокую затяжку. А этот здоровяк вдруг начал бить Алика своей дурацкой ногой. Зрелище, конечно. Но пришлось достать свой электрошокер.

ТОЛИК. Блядь! Ты ёбнутая что ли?!

ПОЛИНА. Отвали. Я дама рисковая. Видишь, даже в тамбуре курю.

ТОЛИК. Бля, больно же, мать твою, больно! Сука, что за херня-то! Леди, блядь! Какого хера меня руки не слушаются?

ПОЛИНА. Забей, скоро пройдёт.

Письмо Алика.

Я конечно тоже его ударил. Хорошо так приложил, не ожидал даже от себя. Ну и он ушел. Но похоже нос мне сломал. Поэтому не удивляйся, когда увидишь меня немного поломанным. Совсем не больно. Правда, покурить захотелось. Но я не стану. Я ведь тебе обещал.

АЛИК. Оставь половину.

ПОЛИНА. Докуривай.

АЛИК. Бля...

ПОЛИНА. Дай-ка, посмотрю.

АЛИК. Не, не трогай. Похоже, сломан.

ПОЛИНА. Руки убрал. Я врач.

АЛИК. Хирург?

ПОЛИНА. Патологоанатом.

АЛИК. Думаешь, настолько всё плохо?

ПОЛИНА. Да не, вроде не сломан.

АЛИК. Вроде? Ты же врач!

ПОЛИНА. Настаиваешь на вскрытии?

АЛИК. По ощущению - сломан.

ПОЛИНА. Пошли в туалет. Кровь смоем.

АЛИК. Я сам.

ПОЛИНА. Я врач.

Блог Полины.

Потом мы зашли с ним в туалет. Из его глаз текли слёзы. Но он не плакал. Это само собой, когда в нос бьют - текут слёзы. А вообще нос у него нормальный. И губы. Мягкие губы. И мягкая кожа. Я помогаю ему смыть кровь. Под моей влажной ладонью его нормальный нос, мягкая кожа... и его губы. И его чёртовы слёзы. Его чертовы слёзы растворились в ледяной воде, которую приходилось выжимать из ржавого крана.

ПОЛИНА. Спасибо, кстати.

АЛИК. Чёрт!

ПОЛИНА. Больно? Прости.

АЛИК. Мне не больно.

ПОЛИНА. Не больно, не больно. Ты настоящий мужчина.

АЛИК. Вообще, я не конфликтный.

ПОЛИНА. Но ведь джентльмен. Постоял за честь дамы.

АЛИК. Получил по морде в честь дамы.

ПОЛИНА. Больше так не делай, хорошо?

АЛИК. Перестань. Перестань мне указывать, что я не должен делать, а что должен.

Письмо Алика.

Наверное, будут синяки. Я сделал холодный компресс. Но синяки будут. Настя, мне очень одиноко. Мне очень одиноко без тебя.

ПОЛИНА. Почему тебя беспокоит, что я забочусь о тебе?

АЛИК. Ты... ты ведь понимаешь, что твои ладони на моём лице? Ты понимаешь, что здесь не слишком уж и тесно для такой близости?

ПОЛИНА. Тебя беспокоят мои ладони на твоём лице или то, что я забочусь о тебе?

АЛИК. Не нужно обо мне заботиться, Полли.

Блог Полины.

Мои ладони на его лице, его испуганные глаза, его слишком частое сердцебиение – всё это меня забавляло и возбуждало одновременно. И я поцеловала его. Он дёрнулся. Так дёргается свежий труп, когда при надрезе задеваешь нервные окончания. Он дернулся, потому что я задела его нормальный нос. Ему было больно, но он не мог оторваться от моих губ. Я улыбнулась, не выпуская его языка из своего рта. Он почувствовал эту улыбку, отпрянул. Смотрит на меня испуганными, удивлёнными, но довольными глазами.

ПОЛИНА. Это, чтобы ты перестал видеть во мне свою мать.

АЛИК. Да мать твою, Полина...

ПОЛИНА. Твою.

АЛИК. Засунь своего Юнга...

ПОЛИНА. Покажи, куда?

АЛИК. Ты ебанутая, Полли.

ПОЛИНА. Ууу, какой пульс. Ты болен?

АЛИК. Ещё бы. До сердца, без вскрытия.

ПОЛИНА. До самого сердца, Алик?

Письмо Алика.

Настя, уже темнеет. Меня клонит в сон. Скоро встретимся. Пиши. Мне приятно будет прочесть твоё письмо в поезде. Мне здесь так одиноко.

ПОЛИНА. Тебе нравится такая поза?

АЛИК. Вполне.

ПОЛИНА. Тогда почему ты остановился?

АЛИК. Кажется, кто-то хочет в туалет?

ПОЛИНА. Занято!

Блог Полины.

Всего здесь, разумеется, писать не стану. Но он неплох, весьма неплох. В тихом омуте-то...

ПОЛИНА. Алик, ты полон сюрпризов. Где ты этому научился?

АЛИК. У меня было много времени на изучение видео-пособий.

ПОЛИНА. Фу, лучше не отвлекайся.

Письмо Алика.

А погода тут не очень. Из окна немного дует. Но одеяло очень тёплое. Знаешь, мне даже нравится путешествовать поездом.

ПОЛИНА. Оу, Алик, какой у тебя большой... научный интерес.

АЛИК. Проникаю во все тонкости медицины.

ПОЛИНА. Радует размах.

АЛИК. Давай об оценках качества позже.

ПОЛИНА. О, а это для того, чтобы меня заткнуть?

Блог Полины.

Вонючий, тесный туалет в плацкартном вагоне, дрожащий от желания курёнок в очках, этот долбаный стук колёс... Чёрт бы меня побрал, если это не лучший секс в моей жизни.

ПОЛИНА. Алик, ритм стука колёс устарел, ускоряйся.

АЛИК. Полина, просто я стараюсь не обгонять.

ПОЛИНА. За меня не волнуйся.

Письмо Алика.

Ну всё, Настенька, я кончаю писать. Глаза слипаются.

ГОЛОС ПРОВОДНИКА. Туалет освобождаем! Златоуст! Стоит две минуты.

Станция «Раздорная»

Письмо Алика.

Настенька, не поверишь, но с этим Анатолием мы нашли общий язык. Когда он узнал, что я еду жениться, решил поделиться своим опытом..

ТОЛИК. Алик, братуха! Уважауха, вообще! Шаришь, нет? Это же такой кайф! Домой приходишь, жена тебе и ужин, и минет. Понял? У меня вообще с женой разговор короткий: я сказал, она сделала. Их, баб этих, надо в узде держать, понял, нет? Чуть слабину дашь, всё, считай каблуком придавило.

НАДЯ. У тебя что, жена за служанку?

ТОЛИК. Цыц! Она знает бабское дело. Она дома, сидит с детьми, готовит жрать, я бабки рублю. Всё чин чинарём.

НАДЯ. У тебя-то дети?

ТОЛИК. Пацан, три года.

ТАМАРА. Ай, ты ж! Молодец. Такой молодой, уже размножился. А наш-то всё никак.

ТОЛИК. Алик, слышь? У меня пацан, три года. Шаришь, нет? Это знаешь, каково вообще, пацана воспитывать? Сейчас фотки покажу, у меня на телефоне.

Блог Полины

О, нет. Он начал показывать фотографии своего голенького сына. Толик тычет всем в лицо своим телефоном, на экране сменяют друг друга кадры безудержного счастья: вот Толик, искажённый ванильной улыбкой, катит по городу колясочку, вот его сынишка катится с горки. Толик показывает фотографии своего юного быдла и говорит: «Вот оно счастье!»

ТОЛИК. Вот оно счастье! Прикинь, у меня свой пацан, которого я, сука, воспитываю. Ты-то как, планируешь по детям?

АЛИК. Не планировал.

ТОЛИК. А напрасно!

НИКОЛАЙ. Это напрасно, Алик. Дети, это ведь – ого-го!

ТОЛИК. Вот, правильно отец говорит. Слышь, короче, главное, чтобы пацан был. Поначалу трудно будет, хуя с два поспишь. Ну, знаешь, крики по ночам, памперсы. Этим конечно баба занимается, но ты там тоже иногда на подхвате будь. Я тебе так скажу, это облом, да, но короче не парься. Зато потом пацанчик твой тебе «папа» скажет. Я тебе говорю, братуха, это вообще улёт. Ну в смысле, до глубины души. Прикинь, стоит твой мелкий, руки к тебе тянет, и говорит: «папа», ёпт.

АЛИК. «Папа, ёпт»? Это как воспитаешь, конечно.

НИКОЛАЙ. Воспитывать надо так, чтобы хороший человек вырос.

АЛИК. Ваш сын хорошим человеком растёт?

НИКОЛАЙ. Конечно! Институт скоро кончит. Первое высшее. Юристом будет. А сейчас пока электрик.

ТАМАРА. Сынишка наш хоть и балбес, но человек-то хороший. На днях вот пылесос починил. Сам!

НИКОЛАЙ. Он и на гитаре умеет.

ТАМАРА. Лепса.

ТОЛИК. Лепса-то вообще нормуль.

НИКОЛАЙ. Я сам воспитывал сына. Вот сына - я сам.

ТАМАРА. Сам, сам. Ага, дождёшься. Хоть бы раз, зараза, пелёнки поменял. Скотина. Всё здоровье с этим обормотом испортила. Сам он воспитывал, как же. А кто институт бросил из-за твоего «сам»? А? Что ж ты-то САМ институт не бросил, когда надо было с сыночком сидеть?

НИКОЛАЙ. Не заводись, Томочка. Ну ладно тебе.

ТАМАРА. Молчал бы, паразит. Воспитатель херов, бляха муха.

ТОЛИК. Ладно, не ругайтесь. Народ спать уже ложится.

НАДЯ. Мой муж тоже вот и пальцем не шевельнул к воспитанию. Только в игры свои играет. А как в гостях у кого, тоже: «мы воспитываем, мы растим». «Мы», как же. Хоть бы раз сказку ребёнку на ночь почитал. Хоть бы раз! Я уж не говорю о том, чтобы заставить его погулять с малышкой.

ТОЛИК. Мужик работает, баба - с детьми. Что не понятного?

НАДЯ. Ага, да я бы лучше поработала. Также мне, придумали отговорку. Я тоже может хочу работать. А ты попробуй с полуторагодовалым ребёнком дома посидеть!

ТОЛИК. Да пробовал, не поверишь. А ты попробуй на Севере повьебывай! Давай, поехали со мной. Посмотрим.

НАДЯ. Вот не сравнивай. Мужик должен руками работать. А я бы головой работала, ещё больше бы заработала.

ТОЛИК. Сказал бы я чем бы ты поработала и что заработала.

НАДЯ. Ну скажи! Сыкло что ли? Скажи!

ТАМАРА. Ну ладно, ладно вам. У каждого своя правда.

НИКОЛАЙ. Мужики, а может, это самое, того, в картишки, а? Я там, возле туалета, свободную боковушку заприметил. Посидим, по-мужски. В дурака разок, другой?

ТАМАРА. Да, да, идите, поиграйте.

ТОЛИК. А что, можно. Алик?

АЛИК. Да я не особо игрок.

НИКОЛАЙ. Пошли, пошли. А Колясик-то спит?

АЛИК. Пусть спит.

Письмо Алика.

Попытался немного поспать, не получилось. Очень шумно. Соседи шумят, продолжают выпивать. Мужики играют в карты.

НИКОЛАЙ. А ты со своей по залёту или уже после брака ребёночка заделали?

ТОЛИК. После брака. А что?

НИКОЛАЙ. Есть такая особенность... шестерка бубновая. Есть такая особенность. Вот ты зря на меня так смотришь, мол, вот мужик под каблук попал.

ТОЛИК. Да не гони.

НИКОЛАЙ. Ладно, ладно, это самое, я это заметил сразу, что ты косо смотришь. А я тебе вот что скажу... ещё шестёрка. У нас-то по залёту было, честно скажу, мужики. Оно, конечно, и по любви тоже. Но вот в чём заноза-то... бита. Ходи. Заноза в том, что когда по залёту, у бабы козыри все.

ТОЛИК. Кстати, у кого все козыри? Алик, отбивайся, чё тупишь.

АЛИК. Беру.

ТОЛИК. Николай, дерзай. Какие там козыри у бабы твоей?

НИКОЛАЙ. А такие вот. Восьмёрка пик. Когда по залёту, ребёнок для бабы, как средство, понимаешь?

ТОЛИК. Чего? Беру. Алик, валяй.

НИКОЛАЙ. Чего, чего. Манипулируют бабы детьми. Ты вроде как виноватый, вроде как всю жизнь её испортил. Алик, ты чего тузами разбрасываешься? Беру.

ТОЛИК. А мы под тебя валета положим. Бьёшь? На счёт баб ты правильно сказал, да. Все щели прикроют ребёнком, отвечаю.

НИКОЛАЙ. Тут уж, как быть? Чуть что: «Я для кого рожала?» или «Да я всё здоровье из-за тебя испортила».

АЛИК. Чувство вины?

ТОЛИК. Алик, слышь, ты если не уверен, вынимай вовремя. Николай правильно говорит, дитё для бабы, как крючок для рыбака. Бита. Ходи.

НИКОЛАЙ. Она сына воспитывала, да. Воспитала, блин. Тоже мне. Ах ты ж. Ну на тебе единственного козыря. Бита?

АЛИК. Ага.

НИКОЛАЙ. Балбес балбесом. Не самостоятельный, как пятилетняя девочка. Я в его годы уже пахал как лошадь. А этот ещё ни копейки ни разу в жизни не заработал.

ТОЛИК. А я ремнём воспитывать буду. Не забалует. Меня отец ремнём воспитывал. Видишь, человеком вырос. Я с девятого класса въезываю. То на стройке, то в автосервисе. Какую-никакую денгу в дом приносил.

НИКОЛАЙ. Дама трэф.

ТОЛИК. Мы же в переводного? Червовой - Алику. Берёшь?

АЛИК. Даму с сердцем и с крестом? Отобьюсь, пожалуй...

ТОЛИК. Хера с два. Туз ушёл, король у Николая. Козыри-то есть?

АЛИК. Ни одного.

ТОЛИК. Бери своих девочек, бери. И вот тебе вдогонку бубновая.

АЛИК. Что-то многовато на меня навалилось.

НИКОЛАЙ. Король.

ТОЛИК. Бью тузом. Ну чо, Алик, ты остался.

НИКОЛАЙ. Ладно, дуракам зато везёт. Сдавай.

АЛИК. Нет, я всё. Наигрался.

ТОЛИК. Чё втух-то? Спать захотел?

АЛИК. Не, всё нормально.

ТОЛИК. Ты слышь, без обид, да? Ну за синяк-то. Нос ведь нормуль. А синяк-то, фигня.

АЛИК. Фигня.

НИКОЛАЙ. Это самое, а я пожалуй пойду. Вот уже и свет выключили.

ТОЛИК. В натуре, надо поспать. А то рано вставать. В шесть приезжаем-то?

АЛИК. В шесть.

Новое письмо от Нasti.

Привет, Лемурик! Блин, Алик, я же просила не писать мне на «мыло». Я редко захожу на почту. А если сети нет, то и не писал бы. У меня вообще дел по горло. Наверное, я тебя не встречу утром. Всю ночь буду писать статью. Мы, кстати, посоветовались с мамой, я решила, что не пойду в декрет. Надеюсь, ты не забыл купить кольцо? Как приедешь, не звони сразу. Я спать буду. И мама будет спать. Вообще хорошо бы, чтобы ты часов до восьми потусил где-нибудь. Возле моего дома есть круглосуточная пиццерия. Там уютно. У тебя же не много вещей с собой? Мама будет рада тебя видеть. Блин, я не знаю, постараюсь всё-таки встретить тебя. Ты должен понравиться моей маме. Давай сначала не будем говорить, что ты палеонтолог. Я маме сказала, что ты учёный. Я всё-таки встречу тебя, мы должны придумать что-нибудь. Палеонтолог – это не очень круто, если честно. Но я всё равно тебя люблю, Лемурик. Приезжай скорее, скучаю. И нужна твоя помощь. Кстати, я решила, что жить пока будем у меня, мама отдаст нам свою комнату, сама будет в зале. Нам нужно экономить, твоей зарплаты на содержание ребенка будет мало. Надеюсь, что у тебя получится найти и дополнительную подработку. Ладно, пока. Чмоки.

ПОЛИНА. Эй, рыцарь печального образа, чего не спишь?

АЛИК. Полина, всё это как-то неправильно.

ПОЛИНА. Смотрю, тебя придавило безудержным счастьем грядущей семейной жизни?

АЛИК. Не знаю. Наверное.

ПОЛИНА. «Не знаю», «Наверное». Не очень мужские слова. Знаешь, у меня случай был на работе. Привезли мне одного мужика, положили на секционный стол. А я смотрю на его тело и думаю: что-то не то. Дело в том, что ревнивая жена отрезала этому бедняге член. Мужик спал, а жена отрезала ему член. Правда, и её понять можно, ведь он спал с какой-то бабой. Но не суть. Я смотрю на это тело и думаю: как же убого, как уродливо выглядит мужик без члена. Как же убог, некрасив и уродлив мужик без своего вонючего члена.

АЛИК. Я понял к чему ты. Но мои сомнения... мне кажется, что-то пошло не так. Всё это как-то неправильно.

ПОЛИНА. Наоборот. Всё очень правильно, Алик. Ты хороший человек. Ты не мудака, Алик. Делаешь то, что должен. Делаешь то, что должен, чтобы не быть мудаком, Алик. И ты не мудака. Но ты унылое говно. Спокойной, ночи, Алик.

АЛИК. Полина...

ПОЛИНА. Ну?

АЛИК. Знаешь, почему пещерных львов называли пещерными?

ПОЛИНА. Блядь, Алик, не еби мне мозг, я хочу спать.

Блог в ЖЖ Полины

И я ушла. И легла на свою нижнюю боковушку. Но ничерта я не хочу спать. Я ещё всю ночь буду тыкать по мягким клавишам своего ноутбука и писать в этот блог свои никому не нужные мысли. Ничерта я не хочу спать. Но смотреть на эту унылую очкастую морду я тоже не хочу. Этот «курёнок» всё время страдает, сомневается, ебёт мозг. Я знаю его несколько часов, а он уже выебал и меня, и мой мозг. И сидит страдает. «А знаешь – говорит – с какого хуя пещерный лев называется пещерным?». Да пошёл ты нахуй со своим львом. Ненавижу, ненавижу это чувство. Ненавижу ненавидеть. Ненавижу ненавидеть. Да к чертям! Да с какого хера?

ПОЛИНА. Блядь, Алик, я теперь не усну. Почему твои ебучие пещерные львы называются пещерными?

АЛИК. У тебя плохое настроение?

ПОЛИНА. Ещё спроси, как мои ебанутые дела, Алик. Давай, рассказывай про своих львов, пока я тебя нос не доломала.

АЛИК. Дело в том, что пещерные львы, какими бы они древними ни были, мало чем отличались от современных львов. Разве что размером. Но по образу жизни всё, как у современных. Они жили под каким-нибудь деревом, и в течение жизни натраховали себе прайд. Но постепенно какой-нибудь неудачник в прайде начинал стареть. Или просто он был слаб от природы. И другие пещерные львы говорили ему: иди-ка ты нахуй, приятель. А одинокому льву очень, очень херово. Ему уже не вставляет жить под деревом. Потому что любая дикая гнида могла поужинать нашим неудачником. Поэтому, Полина, этот лев прятался в пещере. Этот, сука, одинокий, старый, немощный лев прятался в пещере. И его скелет мы нашли. Мы нашли скелет жалкого неудачника и в его честь назвали целый вид. Что делать? Теперь в истории они - пещерные львы.

ПОЛИНА. Алик, ты совсем ебанутый?

АЛИК. Полина, а вдруг завтра миру пиздец? И через 10 тысяч лет из всего многообразия окаменелостей палеонтологи будущего будут изучать именно мои кости, найденные... вся суть в том, где найдут мои чёртовы окаменелости. Где мне быть, когда миру придёт пиздец? Быть мне Человеком Маменькиным? Или Человеком Подкаблуковым? А вдруг мировой пиздец застигнет меня в полном, в глобальном, мать его, одиночестве. И палеонтологи будущего назовут из-за меня всех вас онанистами. Полина, а вдруг они найдут первыми не мои кости, а Колины? Ты видела у Коли значок «Коля». Тысяча лет нипочём этому пластиковому значку. Палеонтологи найдут окаменелости Коли и на груди окаменелостей этот значок: «Коля». Полина, я боюсь стать Колей.

ПОЛИНА. Алик, не еби мне мозг. Алик, просто будь откровенным. Тогда, может быть, останешься собой.

АЛИК. А другое название Австралопитека – Люси. Люси, Полина. Просто, потому что археологам нравилась эта песня Битлов.

ПОЛИНА. Ты самое унылое говно из всех, что я когда либо встречала, Алик.

АЛИК. Почему твой голос дрожит?

ПОЛИК. Потому что ты невероятно унылое говно.

АЛИК. Но твой голос, почему он дрожит?

ПОЛИНА. Потому что ты хороший человек. И поступаешь так, как должен. Потому что ты охуенно унылое говно, Алик.

АЛИК. Доброй ночи, Полина.

Станция «Конечная».

Блог в ЖЖ Полины.

Перед тем как вытащить свой рваный, пыльный рюкзак, он сказал мне: «Доброе утро, Полина!». Доброе, блядь, утро, Полина. Поезд остановился, а вместе с ним, за тусклым окном вагона, остановился этот сырой, пронизанный ветром город. Этот грязный музей конструктивизма. Этот ненавистный мне душный мегаполис, в котором шевелятся полтора миллиона человек. И каждый день рождается новое быдло. И каждому новому быдлу положен паспорт, чтобы оформить кредит. Ибо не каждый настолько воспитан, чтобы без кредита позволить себе смартфон, стиральную машинку, мультиварку, квадрокоптер, планшетный компьютер и... как у Якубовича: ааавтомобиль! И ОСАГО, и сигнализацию. Потому что кредита на гараж уже не хватило. А сигнализация – она как прыщавая девственница, начинает стонать на весь двор от нежнейшего прикосновения. Чтобы все знали, что твой автомобиль – существует! Существует! А когда быдлу приходит время лезть в петлю из-за непогашенных кредитов, у меня появляется новая

работа. Укажите причину смерти. Долбоебизм. Печать. В морг. И каждый день какой-то человек будет попадать на мой секционный стол. А самое хуёвое то, что из полутора миллионов, самыми лучшими я считаю именно тех, кто попадает на мой секционный стол. Потому что они уже никогда не наделают ни говна, ни новых людей. Я закуриваю на перроне. Закуриваю и жду, что он подойдет и попросит сделать пару затяжек. Но я совсем забыла, что его невеста не одобряет запаха табака. Он обнимает свою будущую жену, которая, если повезёт, родит нового человека. И, как знать, может быть, этот ебанутый очкарик совершит чудо и... воспитает нового человека. Совет им да любовь, конечно. Но, прошу, дайте мне таблетку от нестерпимой тошноты.

НАСТЯ. Какой синячище, лемурик!

АЛИК. Всё хорошо, Настенька. Всё хорошо.

НАСТЯ. Ты купил кольцо?

АЛИК. Да.

НАСТЯ. Покажи скорее.

АЛИК. Прямо здесь?

НАСТЯ. Конечно, здесь. А ты хотел как-то романтично сделать предложение? Лемурик, не до романтики уже. Ты меня обрюхатил, совсем не до романтики.

АЛИК. Я купил тебе кольцо.

НАСТЯ. Ой, какое стрёмнинькое. Без камушка?

АЛИК. Камушек?

НАСТЯ. Ладно, поменяем потом. Завтра среда, как раз в ЗАГСе принимают заявление. Пойдём, прохладно. Только что закончился дождь.

АЛИК. Вроде опять начинается.

НАСТЯ. Маме я сказала, что ты крутой учёный. Придумай что-нибудь.

АЛИК. Хорошо. Скажу, что я крутой учёный.

НАСТЯ. Почему ты грустный, лемурик?

АЛИК. Я устал, Настенька.

НАСТЯ. Ты меня хоть любишь?

АЛИК. Я тебя очень люблю. Я очень тебя люблю.

ВТОРОЙ ПУТЬ

Блог Полины.

А к чертям, решила ехать в Анапу. Но без этих ваших «горячих путёвок». Отдохну, искупаюсь в море, выложу фотки в ЖЖ, буду описывать, как мне там хорошо, пока вы роетесь в кишках. Коллеги, без обид, у меня две долбанных недели отпуска. Ненавижу Чёрное море, эти забитые быдлом пляжи. Ненавижу варёную кукурузу и пьяные вопли в караоке, разносящиеся по всему вечернему побережью. Но нужно отдохнуть от этого дерьма. Может, подцеплю какого-нибудь мужика, к чертям всё. Сижу в вагоне. И снова этот поезд, этот плацкартный вагон. Дам вашему воображению повод пошалить: в этот раз я сверху. В проходе толкаются живые люди с чемоданами, ищут глазами номера своих мест. Меня поприветствовал первый сосед, старикашка лет восьмидесяти. Если его вскрыть, содержимое можно просто высыпать, отдать родственникам, сказать, что уже кремировали. Он снизу. А я сверху. Шалите, шалите, друзья. А вот и другие соседи. Ванильная парочка, в плацкарт, видимо, прыгнули прямиком из ЗАГСа. Совет им да любовь, конечно, но мне бы таблетку от тошноты. И тут в проходе замаячила знакомая мне

очкастая морда. Я глазам своим не верю. Это тот курёнок, который трахал меня в этом чёртовом поезде три года назад.

ПОЛИНА. Алик?

АЛИК. Твою жеж мать!

ПОЛИНА. А ты всё про маму вспоминаешь?

АЛИК. Полина? Какого лешего ты здесь делаешь?

ПОЛИНА. Алик, я собираюсь поехать на море, отдохнуть от этого дерьма. Только не спрашивай, как мои ебанутые дела.

АЛИК. У тебя плохое настроение?

ПОЛИНА. Я просто чертовски рада тебя видеть. Серьёзно, Алик. Я чертовски рада тебя видеть, долбаный ты очкарик. Садись, поболтаем. Как жена, Алик?

АЛИК. Если бы я захотел назвать в её честь город, назвал бы Сучинск.

ПОЛИНА. Ну хоть не Блядск?

АЛИК. Не знаю, Полина. Мы развелись. Мы развелись через восемь месяцев после того, как расписались.

ПОЛИНА. Алименты?

АЛИК. Алименты.

ПОЛИНА. Хм, а у меня всё хорошо. Тебе же было интересно, как у меня дела.

АЛИК. Замуж не вышла?

ПОЛИНА. Конечно, нет, говорю же – у меня всё хорошо. Алик, ты вообще слушаешь меня?

АЛИК. А друг есть?

ПОЛИНА. Ты что подкатываешь? Ну хорошо, что не стал пидорасом. Алик, только не подкатывай, нафиг ты мне сдался со своими алиментами.

АЛИК. Это да. Я после развода так ни с кем и не завёл отношений. Я почему-то на первом же свидании говорю, что бросил ребёнка, плачу алименты.

ПОЛИНА. Пикап-мастер.

АЛИК. Да и вообще, отношения – это расходы. Одно свидание выходит в среднем в полторы тысячи рублей.

ПОЛИНА. О, я знаю проститутку за такую цену. Она ничего.

АЛИК. И это только одно свидание, в ресторане посидеть. А с этими алиментами больно-то не развернёшься. Этот букетно-цветочный период все остатки денег высосет.

ПОЛИНА. Девочка, мальчик?

АЛИК. Мальчик.

ПОЛИНА. Значит, назвал не в честь меня?

АЛИК. Альбус. Жена назвала его Альбусом. В честь Дамблдора.

ПОЛИНА. Ты сам покинул школу волшебников или отчислили?

АЛИК. По-обоюдному.

ПОЛИНА. Как не хорошо, грязнокровка, бросил сына на одинокую мать. А как же воспитать хорошего человека? Как же социальная ответственность, Алик? Как же воспитание хорошего человека?

АЛИК. Полина, не еби мне мозг.

ПОЛИНА. А ты изменился, Алик.

АЛИК. Ем мало, вот и похудел. И зуб один выпал, денег нет поставить новый.

ПОЛИНА. Да я не о том. Какой-то стержень в тебе появился. Если бы не ныл о нищете, вообще бы на мужика стал похож.

АЛИК. А в Башкирии снова нашли удивительный скелет.

ПОЛИНА. Я тут не причём, моих хоронят в Екатеринбурге.

АЛИК. Там есть уникальные горы, Шиханы. При разработках откопали скелет ещё одного пещерного льва. И вот что удивительно: какого хера он делал в этой горе?

ПОЛИНА. Алик, ты едешь это выяснять?

АЛИК. У меня увлекательная работа, Полина. Две недели под открытым небом родной Башкирии. Звёзды, Полина, звёзды на чистом небе Башкирии.

ПОЛИНА. Приедут журналисты, ты в их пещерках особо не копайся. Зарплата ведь не резиновая. Сколько процентов алименты?

АЛИК. Двадцать пять. Нет, теперь не полезу. Хватит с меня этих потрапушек в кредит. Ещё 16 лет я не смогу копить на свою квартиру, купить себе новый ноутбук с 4-х ядерным процессором. Всё, что я мог бы накопить улетает на воспитание хорошего человека.

Понимаешь, Полина? Ещё 16 грёбаных лет. Я снимаю комнату, потому что мне не хватает на квартиру. Но я не вернусь к маме. Я боюсь стать Колей, Полина. Помнишь Колю? Это не значит, что я боюсь стать пидорасом. С ориентацией я определился. Я боюсь, что начну верить в гороскопы, буду разгадывать свои сновидения и брать мультиварку в кредит.

Понимаешь, о чём, я? Поэтому я буду жрать овсянку без масла, но я не вернусь в мамино гнёздышко. И я не вернусь к той женщине, которая воспитывает хорошего человека. Потому что я не хочу превращаться в Колю? Помнишь придавленного здоровенным каблуком Колю? И мне нельзя подыхать, Полина. Потому что из могилы у меня ничерта не получится работать на алименты. А значит, ничерта не получится воспитать хорошего человека. А знаешь, Полина, знаешь ли ты, что я сделаю через 16 лет?

ПОЛИНА. Станешь никому не нужным сварливым импотентом?

АЛИК. Через 16 лет я получу зарплату, закажу лимузин, возьму Jack Daniel's, двух роскошных проституток и скажу водителю: «Шеф, на кладбище. Только неспеша».

ПОЛИНА. Как думаешь, мы уже выехали из санитарной зоны?

АЛИК. Пойдём, проверим.

Блог в ЖЖ Полины.

И мы с ним пошли в туалет. Он держал меня за руку, как настоящий мужик. И вёл меня к туалету. Оказалось, что мы уже выехали из санитарной зоны.

ПОЛИНА. Ничего нового, Алик? Каждый раз мы с тобой занимаемся сексом в этом туалете.

АЛИК. Полина, не еби мне мозг.

ПОЛИНА. Надеюсь, не всё будет таким заурядным.

Блог ЖЖ Полины.

Мне нравится этот очкарик. Мне он нравится.

ПОЛИНА. Оу, Алик, как, оказывается, сильно ты по мне скучал. Как интенсивно и неистово ты по мне скучал!

АЛИК. Я не скучал по тебе, Полина. Я даже никогда о тебе не думал.

ПОЛИНА. И я ни черта по тебе не скучала, Алик. Я, я ни секунды о тебе не думала, Алик.

Блог ЖЖ Полины.

Я думала об этом убогом очкарике два ебанутых года. Два ебанутых года я думала об этом очкарике. И вот я о нём забыла. И я подумала: какого хера два ебанутых года я думала об этом очкастом курёнке? И теперь он появился в этом чёртовом поезде в тот самый момент, когда я захотела уехать в Анапу, чтобы отдохнуть от этого дерьма. И сейчас я думаю: неужели он и теперь просто отрахает меня и сбежит к своим пещерным львам в какие-то башкырские ебенья?

ПОЛИНА. Почему ты остановился?

АЛИК. Полина, а выходи за меня?

ПОЛИНА. Ты ебанулся, Алик?

АЛИК. Без кольца, без штампа. Просто выходи за меня.

ПОЛИНА. Пошёл ты нахер, Алик. Я не люблю тебя, ебанутый ты очкарик. А ты ведь только по любви. Ты постоянно женишься только по этой призрачной, несуществующей сраной любви.

АЛИК. Я тебя тоже не люблю, Полина. Я просто хочу всегда тебя трахать. Я хочу, чтобы ты всегда была рядом со мной. Мне комфортно с тобой. Полина, мне невъебенно хорошо с тобой.

Блог в ЖЖ Полины.

Ебанутый очкарик. Что я должна была сказать ему? То что мне тоже с ним хорошо? Что за сентиментальные сопли из него полились? Какого чёрта я должна подтирать эти сопли? Ему, блять, хорошо со мной. Ему, блять, хорошо!

ПОЛИНА. Алик, если ты сейчас не продолжишь, я тебе член оторву.

АЛИК. Полина, к чертям Анапу. Спрыгнем в Башкирии.

ПОЛИНА. Смотреть на звёзды в чистом небе?

АЛИК. Полина, нет никакой любви. Ты не моя половинка. Я одинокий, ты одинока. И так будет всегда. Но нам, чёрт возьми, хорошо друг с другом. И нам нужны эти проклятые звезды в чистом небе, Полина. Эти звезды больше нахер никому не нужны, Полина. Только мне и тебе.

ПОЛИНА. Проклятье, Алик. Тебе придётся всё начинать сначала.

АЛИК. Ты остыла?

ПОЛИНА. Это ты сейчас остынешь, если не начнёшь сначала.

АЛИК. Теперь всё будет по-другому, Полина.

ПОЛИНА. Пошёл в пизду, Алик. Начинай сначала.

Беспечный долгий путь в закат, до самого конца

Октябрь, 2015